

DOI 10.15826/izv2.2024.26.2.032

УДК 94(470):321.64 + 94(470)“1928/1930” +
+ 94(477)“1928/1930” +
+ 329.021/022(477) + 930.1(09)

Я. А. Лазарев

¹Институт российской истории РАН
Москва, Россия
²Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ ИЛИ РОКОВАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ? ДИСКУССИИ 1928–1930 ГГ. И КРАХ КАРЬЕРЫ ИСТОРИКА М. И. ЯВОРСКОГО

Статья посвящена личности одного из ведущих украинских историков-марксистов 1920-х гг. — Матвея Ивановича Яворского. В статье раскрываются обстоятельства, приведшие к снятию историка с ведущих академических постов в начале 1930 г. В историографии сформировался образ Яворского как ученого, пострадавшего от нападок московских историков-марксистов во главе с М. Н. Покровским и его учеником П. О. Гориным. Вопреки расхожему мнению, автор показывает, что история падения Яворского представляла собой череду случайностей и совпадений, приведших к трансформации идейной полемики в кампанию травли, за которой последовали арест и гибель ученого. В статье объясняется, почему дискуссии того времени не являлись причиной падения Яворского. Патронаж со стороны украинской партийной верхушки позволял Яворскому вести агрессивную полемику со своими оппонентами (прежде всего, с Гориным). Дискуссии внутри украинского научного сообщества привели к смягчению позиции Яворского по концептуальным расхождениям (движущие силы революции на Украине), а не к публичной кампании против него. Автор показывает, что у Горина и у Покровского не было административных возможностей, чтобы начать травлю ученого. Крах карьеры Яворского оказался результатом вскрывшихся фактов его биографии (служба в австро-венгерской армии). Ситуация с Яворским не вписывалась ни в одну из идеологических кампаний того времени и была полной неожиданностью для местной партийной верхушки. Попытки развернуть кампанию против Яворского («яворщина») погасило партийное руководство УССР, что дало возможность историку перебраться в Ленинград. Однако там его застала операция ОГПУ «Весна». В ходе следственных мероприятий на Украине к делу оказались привлечены люди, давшие показания на Яворского. После этого последовали арест, тюремное заключение и смертная казнь.

Ключевые слова: М. И. Яворский; М. Н. Покровский; исторический нарратив; сталинизм; историки-марксисты

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00303 по теме «Советский исторический нарратив 1920–30-х гг.: содержание, акторы и механизмы конструирования», <https://rscf.ru/project/23-18-00303/>
Выражаю благодарность *К. Д. Бугрову*, *В. В. Тихонову* и *М. А. Киселеву* за ценные замечания, которые помогли при работе над текстом статьи.

Ц и т и р о в а н и е: *Лазарев Я. А. Идеологическая кампания или роковая случайность? Дискуссии 1928–1930 гг. и крах карьеры историка М. И. Яворского // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26, № 2. С. 194–212. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.2.032>*

Поступила в редакцию: 23.10.2023

Принята к печати: 01.12.2023

Yakov A. Lazarev

*¹Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

*²Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia*

IDEOLOGICAL CAMPAIGN OR A FATAL ACCIDENT? THE DISCUSSIONS OF 1928–1930 AND THE COLLAPSE OF HISTORIAN M. I. YAVORSKY'S CAREER

This article examines the personality of Matvei Ivanovich Yavorsky, a leading Ukrainian Marxist historian of the 1920s. The article reveals the circumstances that led to the historian's removal from leading academic positions in the early 1930s. The historiography created an image of Yavorsky as a scholar who suffered under the attacks of Moscow Marxist historians led by M. N. Pokrovsky and his disciple P. O. Gorin. Contrary to popular belief, the author shows that the story of Yavorsky's downfall was a series of coincidences that led to the transformation of an ideological polemic into a campaign of harassment, followed by his arrest and death. The article explains why the debates of the time were not the cause of Yavorsky's downfall. Patronage from the Ukrainian party leadership allowed Yavorsky to engage in aggressive polemics with his opponents (primarily Gorin). Discussions within the Ukrainian academic community led to a softening of Yavorsky's position on conceptual differences (the driving forces of the revolution in Ukraine) rather than a public campaign against him. The author shows that Gorin and Pokrovsky did not have the administrative capacity to start harassing the scholar. The collapse of Yavorsky's career turned out to be the result of the revealed facts of his biography (service in the Austro-Hungarian army). Yavorsky's situation did not fit into any of the ideological campaigns of the time and came as a complete surprise to the local party leadership. Attempts to launch a campaign against Yavorsky ("yavorshchina") were quashed by the Ukrainian SSR leadership, which gave the historian the opportunity to move to Leningrad. There, however, he was caught by the OGPU's Operation Spring. During the investigation in Ukraine, people who had testified against Yavorsky were implicated in the case. This led to his arrest, imprisonment and death sentence.

К е у о р д с: M. I. Yavorsky; M. N. Pokrovsky; historical narrative; Stalinism; Marxist historians

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the project of the *Russian Science Foundation* 23-18-00303 on the topic “Soviet Historical Narrative: Content, Actors and Mechanisms of Construction”, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00303/>

I would like to express my gratitude to *Konstantin D. Bugrov*, *Vitaly V. Tikhonov* and *Mikhail A. Kiselev* for valuable comments that helped me in working on the text of the article.

For citation: Lazarev, Ya. A. (2024). Ideologicheskaia kampaniia ili rokovaia sluchainost'? Diskussii 1928–1930 gg. i krakh kar'ery istorika M. I. Iavorskogo [Ideological Campaign or a Fatal Accident? The Discussions of 1928–1930 and the Collapse of Historian M. I. Yavorsky's Career]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 26(2), 194–212. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.2.032>

Submitted: 23.10.2023

Accepted: 01.12.2023

В истории советской исторической науки 1920-х гг. фигура М. И. Яворского занимает особое место — ведущий историк-марксист УССР, автор неоднократно издававшегося краткого курса истории Украины. К Яворскому была расположена партийная элита республики в лице Н. А. Скрыпника и С. В. Косиора; он представлял украинскую историческую науку на международных научных форумах, а в число делегатов VI международного конгресса историков в Осло в 1928 г. был включен с подачи самого М. Н. Покровского — лидера историков-марксистов Союза [АРАН, ф. 1759, оп. 4, д. 175, л. 25]. В 1929 г. Яворского избирают действительным членом Академии наук БССР, а затем и Всеукраинской академии наук (ВУАН), причем в паре с ним оба раза избирался Н. А. Скрыпник. В структуре ВУАН Яворский возглавил кафедру истории Украины эпохи империализма [Санцевич, с. 24–25 и др.; Шаповал, Верба, с. 307].

Однако в феврале 1930 г. Яворский, находясь на вершине своего влияния и известности, был снят со всех постов, исключен из партии, заклеен как *псевдомарксист*, а позже получил ярлык *фашиста*. В марте 1931 г. он был арестован по делу «Украинской войсковой организации» / «Украинского национального центра», приговорен к 6 годам лагерей и отправлен на Соловки; осенью 1937 г. — казнен в печально известном урочище Сандормох [Санцевич, с. 50–51; Остання адреса, т. 2, с. 527–528].

Биография Яворского и обстоятельства его неожиданного падения привлекали исследователей с 1980-х гг. С этого же времени сформировался образ Яворского как ученого, пострадавшего от нападков московских историков-марксистов во главе с М. Н. Покровским и П. О. Гориным, стремившихся трактовать события украинской истории как зависимые от процессов развития российской государственности [Масе, р. 232–263; Касьянов, с. 80–84; Шаповал, с. 90–93; Санцевич; Юрганов, с. 36–43; Дубровский, с. 94–95]. Однако внимательный

анализ публичных дискуссий и кампаний конца 1920-х гг. позволяет в значительной мере скорректировать устоявшиеся выводы.

Первыми идейными атаками против Яворского в историографии считают публичные дискуссии на Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов в Москве (28 декабря 1928 г. — 4 января 1929 г.). На этом мероприятии Яворский возглавлял делегацию украинских историков и являлся членом президиума конференции, входил в число 124 делегатов с правом решающего голоса [Труды Первой Всесоюзной конференции, т. 2, с. 615–618]. На пленарном заседании он выступал после М. Н. Покровского и П. О. Горина. В выступлениях Горина (кратко) и Яворского (подробно) затрагивалась проблема организации историков-марксистов в масштабах республик и СССР (централизованная организации или ассоциация обществ) [Труды Первой Всесоюзной конференции..., т. 1, с. 26, 37–38].

Тезисы Яворского, наряду с заявлением о создании 20 декабря 1928 г. отдельного Украинского общества историков-марксистов, не вызвали возражений — планы по созданию отдельного общества он излагал и ранее, например, на Первой Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений (22–25 марта 1928 г.) [Доповідь Скрипника]. Публичная «стычка» М. И. Яворского и П. О. Горина произошла в ходе работы секции «Истории народов СССР», где Яворский выступал с докладом «Современные антимарксистские течения в украинской исторической науке». В своем выступлении он попытался дать краткий обзор развития этих течений, от автора анонимного сочинения «История русов» (начало XIX в.) до современности. В обсуждении доклада участвовали главным образом украинские историки (Н. Л. Рубинштейн, З. Н. Гуревич, И. Ю. Гермайзе), и лишь после них выступил П. О. Горин, сразу оговоривший: «Я по докладу т. Яворского не собирался принимать участие в прениях, но выступление т. Гуревича толкнуло меня выступить». Горин заявил, что в украинской исторической науке «под видом “марксизма” преподносятся вещи из арсенала наших врагов», и сослался на некий украинский учебник, «пользующийся широким признанием». Несмотря на просьбу из зала, Горин не раскрыл название учебника, сказав лишь, что в нем содержится признание за местной буржуазией статуса важной революционной силы и принижение роли пролетариата [Труды Первой Всесоюзной конференции..., т. 1, с. 426–435, 448, 448–451]. Хотя самого Яворского Горин упомянул в положительном ключе, некоторые члены украинской делегации решили, что Горин метит именно в Яворского, и поспешили вступить за своего лидера. С защитным словом выступил молодой специалист М. А. Рубач, выпускник Института красной профессуры (1927), занимавший целый ряд руководящих должностей — в Истпарте ЦК КП(б)У, Украинском институте марксизма-ленинизма, Центральном архивном управлении при украинском ЦИК, а также являвшийся главным редактором журнала «Летопись революции» [Терещенко; Інститут історії України..., с. 632]. Рубач указал, что Яворскому не хватило времени, чтобы в полной мере раскрыть предысторию описанных им антимарксистских течений. Очевидно, поняв, что

дело идет к столкновению, М. Н. Покровский попытался снять напряжение, заявив о необходимости «установить твердый и единый фронт русских и украинских историков» [Труды Первой Всесоюзной конференции..., т. 1, с. 452–453, 454–455, 455–458].

Но Яворский не был настроен миролюбиво: в заключительном слове он признал за собой авторство раскритикованного Гориним украинского учебника, а затем перешел в контратаку. Постоянно ссылаясь на Покровского, Яворский обвинял Горина в игнорировании «национальных форм» в революции 1905 г. — опасная близость к «великорусскому» уклону. Он выражал надежду на помощь со стороны коллег из Москвы, пригласив их на съезд украинских историков-марксистов, запланированный на май 1929 г. [Там же, с. 460–461, 461–465, 466]. Конфликт разгорался: слово взял Горин, объяснивший, что спорные идеи были характерны не только для сочинений Яворского (отчего Горин и не назвал оппонента по имени), и что при этом у Яворского указанные ошибки до сих пор не были исправлены. Яворский давал возмущенные комментарии с места и предлагал «поспорить». Горин этот вызов принял, заявив, что «прямая обязанность» российских историков-марксистов помочь коллегам в «создании марксистской схемы Украины».

Итак, пресловутый конфликт Яворского с московскими историками-марксистами и, в частности, с Гориним представлял собой не сопротивление навязыванию «русоцентричной» эпистемологической модели, а научную дискуссию по проблемам истории украинской революции. Жесткий характер этой дискуссии придал сам Яворский. Выступления украинских историков в Москве в целом получили положительные отклики. Материалы конференции свидетельствуют о том, что идейная платформа московских и украинских историков оставалась единой, а исторические сюжеты до XIX в. и вовсе не вызывали споров. При этом дебаты едва ли не чаще вспыхивали внутри самой украинской делегации.

Столкновение между Яворским и Гориним не вызвало заметной реакции в публичной сфере. Так, газета «Вечерняя Москва» констатировала важность затронутых проблем, а выступление Яворского оценила положительно [Кут; Эрде]. «Правда» напечатала подробный обзор доклада Яворского об антимарксистских течениях в УССР и дискуссии по нему [Первая Всесоюзная конференция историков-марксистов]. На страницах «Известий» Е. Кривошеина¹ в заметке от 11 января 1929 г. высказывалась в поддержку централизованной организации историков-марксистов с республиканскими филиалами на местах, критически упомянув некую (очевидно, украинскую) делегацию, которая этому противилась [Кривошеина]. С. А. Пионтковский зафиксировал в своем дневнике 10 января 1929 г.: «Мы можем сказать, что он (Яворский. — Я. Л.) достаточно безграмотный и слишком националистически настроенный украинец. <...> По его докладу выступало несколько украинцев. Прежде всего обнаружилось,

¹ Возможно, это была Е. П. Кривошеина (1898–1937), научный сотрудник Комакадемии и член бюро методологии истории Общества историков-марксистов.

что мы, москвичи, великорусы, ничего не знаем и не понимаем в истории Украины. Второе, что украинцы под историю Украины относят все, что совершилось на территории Украины, определяя эту историю по географическим принципам, а не по принципам социальным. При такой постановке национальный вопрос для них превращается не в средство, а в самоцель. Это, вот, пожалуй, основной итог съезда. Украинцы всколыхнули, несомненно, ряд вопросов. Они вышибли нас из наших торжественных великороссийских настроений, расширяют кругозор историков» [Дневник историка С. А. Пионтковского, с. 230–231].

На Украине публичная реакция на итоги конференции была более противоречивой. В феврале 1929 г. Яворский, дав общую положительную оценку конференции, резко высказался по поводу М. Н. Покровского, который якобы назвал «ересь в марксизме» попытки заострить внимание на необходимости борьбы с уклоном в сторону великодержавного шовинизма. Ректор Киевского института народного образования С. М. Семко-Казачук жаловался генеральному секретарю ЦК КП(б)У С. В. Косиору на то, что украинская делегация подверглась давлению, и что особенно неприятные условия для ее работы создало специальное выступление Покровского, задавшее тон «для негативного отношения к украинской исторической науке» как к «националистической» [Касьянов, с. 80]. Более сдержанную оценку дал М. А. Рубач, заметивший, что в развернувшихся вокруг доклада Яворского дебатах «во взаимной критике была отмечена нехватка марксистской выдержанности некоторых утверждений в отдельных работах и остатки влияния великодержавных схем в некоторых работах отдельных историков» [Рубач, 1929а]. Можно предполагать, что украинские ученые посчитали критику попыткой развязать политическую кампанию и решили ответить на нее контратакой, обострив свою публичную риторику.

Спираль конфликта начала раскручиваться. Уже в феврале 1929 г. в «Правде» появилась критическая рецензия П. О. Горина на «Історію України в стислому нарисі» (1928). Горин упрекал автора книги в отрицании наличия на Украине крупной буржуазии, принижении значения пролетариата и, наоборот, преувеличении роли «капиталистическо-фермерских элементов деревни». Горин заключал: «Общую ленинскую схему исторического развития нашего Союза М. Яворский хочет “исправить” оружием из арсенала классово чуждых нам немарксистских схем» [Горин, 1929а]. Фактически Горин намекал на «правый уклон» в позициях Яворского. Не забыл рецензент упрекнуть и Народный комиссариат просвещения УССР (возглавляемый Н. А. Скрыпником), давший книге рекомендацию к печати. Ответ М. И. Яворского под воинственным заглавием «Донкихотство или русотяпство» появился в журнале «Прапор марксизму» — официальном печатном органе Украинского института марксизма-ленинизма (УИМЛ). Высказанные на конференции замечания относительно проблем с организацией украинского общества историков-марксистов Яворский теперь трактовал как попытку расколоть единый фронт украинских и русских историков. Критику Горина Яворский объявил злонамеренной; он упрекнул автора рецензии в плохом знании ленинских работ, в искажении взглядов

М. Н. Покровского по поводу самостоятельности украинского революционного процесса, и в конечном счете — в том, что используемая им схема украинской истории «не ленинская», содержит элементы «троцкизма и русотяпства» [Яворский, с. 207, 208, 211]. Итак, обвинениям в правом уклоне со стороны Горина Яворский противопоставил упрек в уклоне левом, где был якобы виден и великодержавный шовинизм.

В конце марта 1929 г. в журнале «Историк-марксист» была помещена обзорная статья М. Н. Покровского, который описал некую «маленькую перепалку», свидетельствующую о «явном заражении атмосферы этой националистической отрывочкой» — некий участник конференции (украинец) незаслуженно обвинил другого (русского) в «великодержавном шовинизме» за «то, что он классовое объяснение предпочел этнографическому, возражая, с видимым удовольствием привел цитату из книги одного украинского исторического деятеля, где украинцы названы “малороссиянами”» [Покровский, с. 7–9]. Кроме того, Покровский с Гориным постарались оказать воздействие на Яворского не публично — по партийной линии. В мае 1929 г. на заседании «коллегии института» обсуждался вопрос «против выборов Яворского в члены Коммунистической академии». С. А. Пионтковский записал в дневнике, что Покровский «сам ставил доклад в ЦК, где указывал на теоретические ошибки Яворского и его шовинистический уклон», а затем «эту докладную записку от имени общества “Историков-марксистов” послали в ЦКК с требованием снять кандидатуру Яворского» [Дневник историка С. А. Пионтковского, с. 269]. Стоит полагать, что речь шла о документе, который в конце мая «по поручению коммунистической фракции Общества историков-марксистов» подготовил и направил в секретариат ЦК Горин. В нем содержался вывод о нежелательности пребывания Яворского в составе «какого бы то ни было уважающего себя марксистско-ленинского учреждения» [Орлов, с. 124].

В историческом отделении УИМЛ в Харькове тоже развернулись дискуссии по поводу Яворского. Часть участников дискуссии представляла собой верхушку недавно созданного Украинского общества историков-марксистов (М. И. Яворский, Т. С. Каретникова, М. А. Рубач) [Дискусія з приводу схеми історії..., 1930а, с. 267–269]. Стенограммы заседаний были опубликованы только весной 1930 г., следовательно, в текстах могла учитываться изменившаяся ситуация, связанная с предъявленными Яворскому тяжкими обвинениями. Несмотря на это, анализ стенограмм позволяет понять общую логику дискуссий.

Официальным поводом для дебатов являлось обсуждение схемы украинской истории М. И. Яворского перед ее презентацией на первом Всеукраинском съезде историков-марксистов, перенесенном теперь на 1930 г. Обсуждение было инициировано самим Яворским [Касьянов, с. 82], который 15 мая 1929 г. представил на обсуждение тезисы, обосновывающие необходимость создания новой схемы истории Украины [Дискусія з приводу схеми історії..., 1930а, с. 269–272]. Но на деле обсуждали не только тезисы Яворского, а и недостатки сочинений и схемы русской истории Покровского, где история Украины, по мнению участников обсуждения, не учитывалась должным образом.

Г. А. Карпенко, З. Н. Гуревич и М. А. Рубач в разных словах заявляли о недопустимости того тона, который Яворский взял в отношении «российской марксистской историографии» в целом и Покровского лично. М. И. Мебель предположил, что проблема была связана с негативной позицией самого Яворского в отношении москвичей, а М. С. Волин открыто выражал беспокойство тем, что историки выстраивают искусственные барьеры «по линии Харьков — Москва». Критики Яворского основное внимание уделяли его оценке движущих сил революций 1905 и 1917 гг. на Украине — предполагаемому принижению роли местного пролетариата и российского рабочего движения. М. А. Рубач и вовсе упрекнул Яворского в том, что его идеи близки к эсеровским [Дискусія з приводу схеми історії..., 1930а, с. 302–314, 314–325; 1930б, с. 186, 229; 1930в, с. 319–322].

Однако выступление М. А. Рубача не получило поддержки, вызвав скорее осуждение. Против него высказались Т. С. Каретникова², И. Гехтман, М. И. Свидзинский, В. Т. Десняк и даже критически настроенный по отношению к Яворскому Г. А. Карпенко. Некоторые защитники Яворского (В. И. Сухино-Хоменко, В. Т. Десняк) обвиняли Покровского в «великодержавном шовинизме», в следовании идеям С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и П. Н. Милюкова. Бóльшая часть выступавших, атакуя Покровского, стремилась защитить Яворского, настаивая на марксистском характере его схемы истории Украины и на незначительности ошибок, которые легко исправить [Дискусія з приводу схеми історії..., 1930б, с. 177, 214, 227–228, 284–289, 297–302; 1930в, с. 294–295, 324].

В июне 1929 г. выходит рецензия Т. Т. Скубицкого на «Историю Украины в сжатом очерке». Этот украинский историк в 1926–1930 гг. обучался и работал (с перерывами) в Институте красной профессуры в Москве, специализировался по истории рабочего движения на юге Украины [АРАН, ф. 359, оп. 3, д. 65, л. 1–16, 21–22, 24, 90]. Скубицкий разбирал упущения в трактовке Яворским событий второй половины XVII в., приходя к выводу о том, что Яворский повторял ошибки «мелкобуржуазных, националистически настроенных украинских историков», которые идеализировали социальные порядки запорожских казаков [Скубицкий, 1929, с. 282–283, 285]. В этом же номере было опубликовано письмо Горина, который отвергал обвинения в троцкизме и называл книгу Яворского «историческим обоснованием национал-правого уклона» [Горин, 1929б].

Только после этих событий в ситуацию вокруг Яворского включился его покровитель — Н. А. Скрыпник. Разбор ошибок Яворского, сделанный Скрыпником, был опубликован в конце января 1930 г. в «Большевике Украины» (политико-экономический журнал ЦК КП(б)У). Скрыпник критиковал идеи Яворского относительно трактовки марксизма Н. И. Зибером и С. А. Подолинским, роли М. П. Драгоманова в украинском движении, роли сельской буржуазии в революции 1905–1907 гг., роли Центральной рады и пролетариата в событиях 1917 г. и т. д. С содержанием своей статьи Скрыпник ознакомил Яворского еще в августе 1929 г., рассчитывая на то, что без публичной огласки он признается

² Секретарь Украинского общества историков-марксистов.

в выявленных ошибках и внесет необходимые исправления [Скрипник, с. 12, 13–25, 26]. Уже в начале сентября в газете «Коммунист» Яворский признал свои ошибки, обещав начать работу над правкой учебника «История Украины» [Шаповал, с. 91–92; Касьянов, с. 84].

На покаянное выступление Яворского отреагировали осенью 1929 г. украинские историки. М. А. Рубач, упрекая Яворского в правом уклоне, все же заявил: «Надо приветствовать, что М. И. Яворский признал значительную часть своих ошибок, это несомненно облегчит обстановку и условия работы среди историков-марксистов» [Рубач, 1929б, с. 20]. В статье В. И. Сухино-Хоменко — недавнего защитника Яворского — подчеркивалась «необходимость товарищеской критики работ Яворского, про необходимость помочь Яворскому исправить свои работы». Упрекал он и Скубицкого, «неправильно цитировавшего» труды Яворского, и Горина, чрезмерно эмоционально выступившего «не то с рецензией, не то с памфлетом» на работу Яворского, спровоцировав украинского историка [Сухино-Хоменко, 1929а, с. 42; 1929б, с. 40–54, 54–55]. А. А. Хвыля (Хвыля-Олинтер), заведовавший в 1928–1933 гг. отделом агитации и пропаганды при ЦК КП(б)У, упоминал Яворского в целом комплиментарно, а в число проблемных сотрудников УИМЛ («доморощенных нигилистов») были записаны Перчик, Аржанов, Рохкин, Скрипченко и Гаврилюк [Хвыля, с. 15, 27, 36]. Во второй половине января 1930 г. Горин опубликовал сразу две статьи в журнале «Большевик» и газете «Известия». На страницах журнала Горин провозглашал, что проблемы марксистской исторической науки на Украине заключаются в «недостаточном разоблачении» «иллюзий реакционных, мелкобуржуазных историков» вроде М. С. Грушевского и В. К. Винниченко. Менторским тоном он перечислял ошибки Яворского, которые «разоблачили» украинские историки-марксисты весной 1929 г., и выражал надежду на то, что оставшиеся ошибки будут ликвидированы на предстоящей конференции украинских историков-марксистов [Горин, 1930б, с. 43, 44, 45–52]. В газетной статье Горин отнес Яворского, И. А. Теодоровича и С. М. Дубровского к числу ученых, которые в своей «идеализации “мелкого производителя”» являлись примером «непонимания основных положений марксизма» [Горин, 1930а].

Как видим, даже самые суровые оппоненты Яворского не стремились исключить его из научной жизни. М. А. Рубач подготовил в конце 1929 г. записку, адресованную А. А. Хвыле, в которой утверждал, что Яворский имеет определенные заслуги в борьбе с Грушевским, и что Яворского следовало сохранить как «историка-коммуниста», не затушевывая его ошибки [Пиріг, с. 95–96]. Примечательно, что Яворский, несмотря на критику, сохранял статус признанного эксперта. Он выступал на страницах «Известий» по поводу притеснения в Польше украинской культуры, приглашал М. Н. Покровского на Всеукраинскую конференцию историков-марксистов, запланированную на 1930 г. [Против удушения украинской культуры..., с. 1; АРАН, ф. 1759, оп. 4, д. 306, л. 1].

Однако январь 1930 г. стал тем месяцем, с которого начались трагические испытания для Яворского. Бывшая супруга Яворского — София — обратилась

в один из районных судов Харькова с требованием выплаты алиментов на двух его дочерей. Со слов Яворской выходило, что как только российская императорская армия оставила Галицию в 1916 г., ее муж стал служить в разведке при немецкой группе генерала А. фон Линзингена, в 1918 г. появившись на Украине в чине «поручика (оберлейтенанта)» и став «австрийским атташе при дворе гетмана Скоропадского». Называя бывшего мужа «ретивым гетманцем», Яворская сообщала, что у нее сохранились многочисленные фотографии и письма того времени. Начавшаяся в 1919 г. «украинско-польская война» в Галиции заставила Яворского вступить в ряды армии Западно-Украинской народной республики в чине «сотника полевой жандармерии» и прервать контакты со своей семьей. Яворская не могла поверить, что ее муж стал коммунистом [Шаповал, с. 92–93; Санцевич, с. 46–47]. Таким образом, подтверждались слухи о сомнительном прошлом Яворского, ходившие среди украинской интеллигенции с середины 1920-х гг. [Сфремов, с. 185]. Любопытно отметить, что в 1930 г. ГПУ УССР были зафиксированы слухи, что за этой акцией мог стоять академик М. С. Грушевский [Пристайко, Шаповал, 1999, с. 125].

«Шкурник» или «вредитель»? Попытка кампании против М. И. Яворского («яворщины») в феврале — марте 1930 г.

Уже 26 января 1930 г. по поручению главы украинских коммунистов С. В. Косиора копия заявления С. Яворской была разослана членам и кандидатам в члены ЦК КП(б)У. Яворский был вынужден оправдываться — 4 февраля он адресовал Косиору записку, называя заявления бывшей жены «злонамеренным враньем» и категорически отрицая факт службы офицером разведки (Яворский объяснял, что был всего лишь переводчиком при австрийском связном штаба А. фон Линзингена). Оправдание не помогло: в этом же месяце Яворский был исключен из партии. 13 февраля было принято решение, чтобы он «немедленно отказался от звания члена Президиума ВУАН», а уже 17 числа его уволили. После этого он написал заявление в ЦК КП(б)У, сообщая о своем раскаянии в том, что «замолчал перед партией свое прошлое», признавал справедливым случившееся «суровое осуждение» и выражал готовность «принять и большую кару» [Шаповал, 93, 94; Санцевич, с. 49].

С февраля 1930 г. начинает разворачиваться публичная критика Яворского. 14 февраля 1930 г. в печатном органе КП(б)У газете «Коммунист» появилась статья В. Фувера³ «Отрывки из одной биографии». Здесь Яворский представал верным подданным австрийского императора Франца-Иосифа I, боровшимся за целостность империи «офицером австрийской контрразведки», «шефом

³ Возможно, в фамилии допущена опечатка, и автором был В. Я. Фурер — известный украинский коммунист, яркий публицист, в 1925–1927 гг. заведующий сектором печати ЦК КП(б)У, в 1928–1930 гг. находившийся на нелегальной работе в Польше; позднее — партийный руководитель донбасской Горловки [Лысенков, с. 106].

жандармерии галицийской армии», участником карательных экспедиций против крестьян. После победы советской власти Яворский, ловко скрыв свое прошлое, нашел «тихий уголок в научной сфере», где построил вполне успешную карьеру. Автор настаивал на том, что Яворский должен быть «немедленно выкинут из партии», которую следовало и дальше очищать от подобных прилипших к ней «комьев грязи» [Фувер]. 27 февраля вышла статья историка И. Гехтмана, недавнего участника дискуссий по схеме Яворского, призвавшего «нещадно раскрывая социальную суть яворщины, консолидировать молодые силы действительно марксистских историков для создания ленинской истории Украины» [Гехтман]. Таким образом, в публичное пространство было запущено и понятие («яворщина»), должное объяснить правильную линию по отношению к работам Яворского.

12 марта был опубликован уже целый блок статей, касающихся чисток научных рядов от враждебных элементов. В нем были помещены анонимная статья и резолюция общего собрания Украинского общества историков-марксистов от 22 февраля 1930 г. Здесь говорилось, что «яворщина» являлась одним из примеров проникновения враждебных элементов в ряды партии и научных организаций наряду с делом СВУ и чистками кадров в УИМЛ. Идеиные черты «яворщины» заключались в «выхолащивании революционной сути исторической науки, идеализации мелкой буржуазии, восхвалении кулака, придавая ему революционные черты, сознательном затушевывании руководящей революционной роли пролетариата и его партии» [Н. Н.]. Самому Яворскому давалась следующая характеристика: «авантюрист, королевский офицер и носитель чуждой пролетариату идеологии» [Там же]. Также давалось обещание «развернуть борьбу с “яворщиной”, как враждебной системы взглядов, что оказала влияние на некоторые круги, решительно разоблачая ошибки товарищей, что в той или иной мере разделяют отдельные взгляды М. И. Яворского» — к ним были отнесены В. И. Сухино-Хоменко, М. И. Свидзинский. Случившийся сеанс публичной самокритики подчеркивался признанием ошибочности осуждения рецензии П. О. Горина на Яворского в феврале 1929 г. [Резолюція загальних зборів...]

Последовала реакция столичных изданий. 1 марта 1930 г. критическая заметка, вышедшая в «Правде», сообщила о результатах чистки в УИМЛ. Здесь Яворский уже предстал как «шкурник и примазывавшийся» и «политический аферист», который «прокрался» на руководящие посты в институте и академии. При этом осторожно замечалось, что порицание должны заслужить и те, кто «пытается использовать дело Яворского для опорочения украинских партийных кадров» [Шелюбский]. В тот же день была подготовлена резолюция коллегии Института истории Комакадемии за авторством М. Н. Покровского (директор) и П. О. Горина (ученый секретарь). Авторы выражали «негодование по поводу того факта, что, будучи политическим проходимцем, М. Яворский прикрывался именем члена КП(б)У, осуществляя идеологическое вредительство и дискредитируя историческую науку Украины». Специальный акцент делался

на том, что дело Яворского стало результатом «отсутствия большевистской самокритики», хотя это и «ни в коей мере не может бросить тень на всех историков-марксистов Украины и Коммунистическую партию Украины» [АРАН, ф. 377, оп. 1, д. 141, л. 8–9]. 3 марта резолюцию опубликовали в «Известиях» [Резолюция, вынесенная коллегией Института...], поместив там же отдельную статью Горина. Под пером Горина Яворский превратился в «убежденного монархиста» (сторонника гетмана П. П. Скоропадского); обосновывая этот тезис, Горин ссылаясь на письма, якобы принадлежавшие Яворскому. Горин приходил к выводу, что Яворский, «ловко спекулируя на нашей национальной политике», любые попытки критики своих работ трактовал «как вылазки великодержавного шовинизма», а украинский Наркомпрос потворствовал «яворщине». Заключение статьи намекало на продолжение кампании: «Мы, конечно, менее всего склонны думать, что разоблачение яворщины уже закончено» [Горин, 1930в].

Действительно, кампания против «яворщины» набирала обороты. 19 марта была подготовлена резолюция Общего собрания Общества историков-марксистов, развивавшая положения резолюции Института истории Комакадемии. Оказывалось, что Яворский целенаправленно «фальсифицировал марксистскую историческую науку Украины», и что исключение Яворского из рядов партии вовсе не устраняло «опасность национал-шовинистических тенденций, развиваемых его последователями в украинской историографии». Авторы резолюции выражали уверенность в том, что местные историки-марксисты под руководством коммунистов Украины сумеют «быстро и успешно ликвидировать следы и результаты идеологического вредительства Яворского» и «поведут успешную борьбу с ревизионистами, разоблачая как национал-демократические, так и великодержавные тенденции в исторической литературе СССР» [АРАН, ф. 377, оп. 1, д. 141, л. 4, 5; Резолюции, принятые на общем собрании..., с. 167–168]. Свою оценку делу М. И. Яворского дал и партколлектив УИМЛ — принятая 6 марта резолюция этого коллектива под заглавием «Об яворщине» увидела свет на страницах «Известий» 12 апреля. «Яворщину» здесь аттестовали как «контрреволюционный заговор небольшой кучки обанкротившихся буржуазных украинских интеллигентов», ставший фактом «идеологического вредительства». Подчеркивалось, что надо бороться не только с Яворским, но и с его наследием, проявившимся «в ряде ошибок отдельных товарищей, ранее активно поддерживающих историческую схему Яворского» [Об яворщине].

Но еще раньше, 6 апреля⁴, в «Правде» было напечатано письмо главы КП(б)У С. В. Косиора. Свое позднее включение в дискуссию вождь украинских большевиков объяснил расчетом на то, что коллегия Института истории Комакадемии «поймет свою ошибку и сама каким-либо путем исправит ее». Косиор заявлял, что обсуждение «спорных вопросов истории Украины» — это нормальная ситуация, и упрекнул «товарищей из института истории» в неверном

⁴ Согласно сведениям В. Пристайко и Ю. И. Шаповала, письмо было подготовлено 23 марта 1930 г. [Пристайко, Шаповал, 1999, с. 124–125].

понимании ситуации. Он объяснял, что «неверно расценивать дело Яворского как идеологическое вредительство»: из партии Яворский был исключен «не за свои ошибки в истории, а за сокрытие своего темного прошлого». Ошибки же, имевшиеся в работах Яворского, всегда рассматривались партией как поправимые, а некоторые из них и вовсе не имели к нему отношения. С нескрываемым раздражением Косиор обрушился на Покровского и Горина за то, что они «снисходительно отнеслись к КП(б)У в оценке ее работы в связи с делом М. Яворского», и призвал «ученых товарищей из Комакадемии» не поучать украинских коммунистов «своими странными выступлениями» [Косиор]. Публикация письма Косиора вселила надежду в Яворского, к тому времени уже уехавшего в Ленинград. В письме к Д. И. Багалею он писал, что его дело «начинает разворачиваться в лучшую сторону». Яворский не скрывал радости, что с него сняли «пятно вредителя и дают возможность заниматься наукой», надеясь, что «через некоторое время снимут... и другие обвинения» [Невідомі листи..., с. 205–206].

Таким образом, начавшаяся было публичная кампания против М. И. Яворского была остановлена руководителями КП(б)У. В неприятной ситуации оказалось руководство УИМЛ, чья резолюция появилась в печати 12 апреля и прямо противоречила выступлению Косиора. Институту пришлось готовить новую резолюцию — ее текст, принятый 4 мая, был опубликован в журнале «Прапор марксизму» рядом с перепечаткой письма Косиора на украинском языке. Здесь сообщалось, что 6 марта коллектив УИМЛ ошибся в своих оценках, а «товарищи из Института Комакадемии» подвергались критике за попытку противопоставить УИМЛ и ЦК КП(б)У [Резолюція партколективу УІМЛ...].

Московские историки продолжали атаковать М. И. Яворского. Летом 1930 г. с развернутой критикой его работ вновь выступил Т. Т. Скубицкий, сделавший также выпад против Наркомпроса УССР и «некоторых наших партийных органов» [Скубицкий, 1930, с. 27–38, 38–40]. Но уже 30 октября 1930 г. Совет Украинского общества историков-марксистов принял резолюцию с осуждением статьи Скубицкого, в которой имелся ряд «политически ошибочных утверждений в отношении борьбы, какая велась на Украине как против яворщины, так и против волобуевщины». Скубицкому пришлось извиняться. В новой резолюции от 6–7 ноября 1930 г. была дана и резкая критика взглядов Покровского на украинскую историю, высказываний Горина о недостаточных усилиях в борьбе с украинским национализмом и «яворщиной» [АРАН, ф. 1759, оп. 2, д. 13, л. 124–128, 130, 131, 133]. По этому поводу довольно метко высказался С. А. Пионтковский. В ноябре 1930 г. он находился в Харькове и занимался налаживанием контактов с местными историками, наблюдая местную ситуацию изнутри: «Своеобразно переплетается на Украине на историческом фронте национальный вопрос. С национальной буржуазией украинские историки не борются. Они успокоились, что ОГПУ посадило членов СВУ в концентрационный лагерь, а идеологически вовсе не думают преодолевать ни Багалея, ни Грушевского, а наоборот, им даже кажется это святотатством, когда предлагают им это делать, и главный огонь они направляют на нас, москвичей, и в первую голову

на Покровского. Покровский, по их мнению, это основная опасность на историческом фронте, так как это вождь национал-шовинизма» [Дневник историка С. А. Пионтковского, с. 380–381].

В конце марта 1930 г. Яворский покинул Украину и отправился с семьей в Ленинград «в долгий отпуск» [Шаповал, с. 95]. Очевидно, он надеялся пережить разразившуюся бурю в своей ленинградской квартире на улице Надеждинской [ДАХО, ф. Р-6452, оп. 2, спр. 2353, арк. 112]. Однако в начале осени 1930 г. ОГПУ начало масштабную операцию против бывших царских офицеров на службе советской власти, которая затем перекинулась и на УССР (операция «Весна»). Самым известным среди арестованных в республике считается «военрук киевских вузов» В. А. Ольдерогге, якобы возглавлявший украинскую ячейку «военно-офицерской контрреволюционной организации» [Тинченко, с. 144–150]. 15 января 1931 г. в рамках этой операции был арестован Г. И. Коссака, военрук Днепропетровского химического института — когда-то он служил офицером австро-венгерской армии, являлся командиром одного из полков Легиона украинских сечевых стрельцов, эмигрировал, но в середине 1920-х гг. вернулся в СССР. В ходе допросов Коссака заявил (или ему подсказали?), что он является членом контрреволюционной организации во главе с академиком М. С. Грушевским, а также перечислил завербованных им лиц, назвав в их числе и Яворского [ДАХО, ф. Р-6452, оп. 4, спр. 1317, арк. 19, 20, 135–139]. Дело «Украинской военной организации» (УВО) оказалось затем связано с делом «Украинского национального центра» (УНЦ), по которому главным фигурантом проходил Грушевский. 21 марта 1931 г. был допрошен арестованный в Москве Грушевский, со слов которого выходило, что Яворский наряду с Коссаком был одним из руководителей военной организации УНЦ. Таким образом в документах следствия УВО превратилась в военизированное крыло УНЦ. А через Коссака и Ольдерогге УНЦ оказался связан и с российской «военно-офицерской контрреволюционной организацией» [«Совершенно секретно», с. 540, 556–559; Остання адреса, т. 1, с. 69–72, 132; Пристайко, Шаповал, 1999, с. 198–225, 229; 1996, с. 249].

10 марта 1931 г. Яворский был арестован и отправлен в Харьков. В рамках объединенного дела УНЦ/УВО 7 февраля 1932 г. его осудили на шесть лет заключения в Соловецком лагере особого назначения [ДАХО, ф. Р-6452, оп. 2, спр. 2353, арк. 112; Пристайко, Шаповал, 1999, с. 126]. По имеющимся сведениям, в лагере он сдружился со своим «доносителем» Г. И. Коссаком. В августе 1933 г. Яворского пытались склонить к даче показаний, компрометировавших его бывшего патрона — Н. А. Скрышника, — но он отказался. Лагерная агентура докладывала о том, что сам Яворский винил в своих злоключениях «великодержавника» Покровского, отомстившего Яворскому и его соратникам за то, что те отстаивали подлинную историю Украины, где «русские угнетали украинцев», а не «жили дружно» [Остання адреса, т. 2, с. 491–492, 493–494, 507, 509, 511–512].

В одной из его характеристик от 1 июня 1936 г. отмечалось: «За время пребывания в ББЛАГ з/к Яворский проявлял себя с отрицательной стороны, неоднократно нарушал лаграспорядок, объявлял голодовки, группирует вокруг себя контрреволюционный элемент, является убежденным националистом, контрреволюционно настроенным против всех мероприятий партии и правительства. Проходит по агентурной разработке “Злостные”, является одним из руководителей контрреволюционной группировки». 3 ноября 1937 г. Яворский был расстрелян [Остання адреса, т. 2, с. 515–516; Пристайко, Шаповал, 1999, с. 128].

История падения М. И. Яворского показывает, как череда случайностей и совпадений привела к трансформации идейной полемики в кампанию травли, за которой последовали арест и гибель. В 1929 г. Яворский был лидером украинских историков-марксистов, имевшим прочные позиции для ведения агрессивной полемики со своими оппонентами. Яворский и его коллеги мастерски использовали дискурсивные особенности того времени: на упреки в «буржуазном национализме» и «правом уклоне» они отвечали обвинениями в «великодержавном шовинизме» и троцкизме. Не только у Горина, но и у Покровского не было административных возможностей, чтобы начать травлю Яворского; впрочем, они к этому и не стремились до марта 1930 г. С другой стороны, конфликт разгорелся и внутри самого сообщества историков-марксистов УССР. Яворскому, очевидно, предстояло признать свои ошибки и исправить их.

Все изменилось после февраля 1930 г., когда идейная дискуссия переросла в кампанию травли, погубившей карьеру Яворского. Крах карьеры Яворского оказался результатом вскрывшихся фактов его биографии (служба в австро-венгерской армии), которые автоматически лишали ученого покровительства со стороны КП(б)У. Ситуация с Яворским не вписывалась ни в одну из идеологических кампаний того времени и была полной неожиданностью для местной партийной верхушки. Для обозначения случившегося было придумано специальное понятие — «яворщина». С февраля 1930 г. развернулась кампания против Яворского и «яворщины», причем застрельщиками выступили украинские ученые, к которым спустя некоторое время присоединились и москвичи. Между ними развернулась некоторая полемика по поводу публичной трактовки данного явления. Но даже в этой ситуации партийное руководство УССР погасило кампанию, дав острастку историкам-марксистам из Москвы и заставив руководство УИМЛ публично изменить свою позицию по «яворщине».

Возможно, это дало бы Яворскому возможность пережить лихолетье 1930-х гг., но на его беду случилась операция «Весна», изначально направленная против бывших офицеров царской армии. В ходе следственных мероприятий на Украине к делу оказались привлечены люди, давшие показания на Яворского (Г. И. Коссака, М. С. Грушевский). Наступил последний этап падения Яворского — за крахом карьеры последовали арест, тюремное заключение и смертная казнь. Конечно, этапы падения были связаны между собой, однако это не была жесткая каузальная связь. Скорее, трагические перипетии судьбы Яворского следует расценивать как роковую случайность.

Источники

АРАН — Архив Российской академии наук, г. Москва. Ф. 359 (Управленческая документация Института истории Комкадемии). Оп. 3. Д. 65 (Личное дело Т. Т. Скубицкого); Ф. 377 (Общество историков-марксистов при Коммунистической академии ЦИК СССР). Оп. 1. Д. 141 (Материалы по делу М. И. Яворского); Ф. 1759 (М. Н. Покровский). Оп. 2. Д. 13. Л. 130 (Планы работ, стенограммы заседаний Комкадемии), Оп. 4. Д. 175 (Письма М. Н. Покровского), Д. 306 (Телеграмма М. И. Яворского).

Гехтман І. Викрити соціальної суті яворщини (з приводу книжки М. Яворського «На історичному фронті») // *Комуніст.* 1930. № 57(3051). С. 5.

Горин П. М. Яворський. Історія України в стислому нарисі. Державне видавництво України. 1928 г. 336 стр. (М. Яворський. История Украины в сжатом очерке. Гос. изд. Украины. 1928 г.) // *Правда.* 1929а. № 34 (4168). С. 5.

Горин П. Письмо в редакцию // *Историк-марксист.* 1929б. № 12. С. 334–335.

Горин П. Классовая борьба в СССР и современная историческая наука // *Известия.* 1930а. № 23. С. 4.

Горин П. О роли пролетариата в революционном движении Украины // *Большевик.* 1930б. № 1. С. 43–52.

Горин П. О. Об одной поучительной биографии // *Известия.* 1930в. № 61(3908). С. 4.

ДАХО — Державний архів Харківської області, м. Харків (Государственный архив Харьковской области). Ф. Р-6452 (Карні справи громадян, репресованих позасудовими органами м. Харків та Харківської області). Оп. 2. Спр. 2353 (Уголовное дело по обвинению (Верминский (Вереминский) Михаил Яковлевич)); Оп. 4. Спр. 1317 (Уголовное дело по обвинению (Приступа Фома Михайлович. Т. 3)).

Дискусія з приводу схеми історії М. Яворського // *Літопис революції.* 1930а. № 2(41). С. 267–326.

Дискусія з приводу схеми історії М. Яворського (промови т.т. Гехтмана, Мебеля, Фріда, Карпенка, Каретнікової та Волина) // *Літопис революції.* 1930б. № 3–4(42–43). С. 176–238.

Дискусія з приводу схеми історії М. Яворського (Промова тов. Свідзінського, довідка тов. Яворського, промови т.т. Городецької, Десянка, Сухино-Хоменка, Фріда Д., Редіна; довідки т.т. Шпунта, Карпенка, Рубача, Сухино-Хоменка, Десняка) // *Літопис революції.* 1930в. № 5(44). С. 289–325.

Дневник историка С. А. Пионтковского (1927–1934) / редкол. Д. Бранденбергер, А. М. Дубровский, А. Л. Литвин. Казань : Казан. гос. ун-т, 2009.

Доповідь Скрипника. Про роботу Українського Інституту у Москві // *Прапор марксизму.* 1928. № 3(4). С. 216–223.

Єфремов С. Щоденники, 1923–1929. Київ : ЗАТ «Газета “РАДА”», 1997.

Косиор С. Письмо в редакцию // *Правда.* 1930. № 95. С. 6.

Кривошеина Евг. Итоги всесоюзной конференции историков-марксистов // *Известия.* 1929. № 9 (3545). С. 3.

Кут. А. [Кутузов А. В.] Завоевать исторические науки: Буржуазные течения на Украине. Традиции II Интернационала. Почему Царской России нужен был Константинополь // *Вечерняя Москва.* 1929. № 1(1513). С. 1.

Н. Н. Очистимо наукові лави від випадковості, чужих та ворожих пролетарській ідеології елементів: мобілізуємо Марксистсько-Ленінські наукові сили на боротьбу з буржуазними та націоналістичними течіями в українській історичній науці // *Комуніст.* 1930. № 70(3064). С. 3.

Невідомі листи М. І. Яворського до Д. І. Багалія // *Схід-Захід: Історико-культурологічний збірник.* Харків : Майдан, 1998. С. 203–207.

Об яворщине. За четкую ленинскую линию на идеологическом фронте. Резолюция, принята собранием партколлектива Украинского института марксизма-ленинизма 5 марта по докладу об итогах VII пленума ОПК // Известия. 1930. № 101. С. 3.

Остання адреса: Розстріли соловецьких в'язнів з України у 1937–1938 роках : в 2 т. Київ : Сфера, 2003.

Первая Всесоюзная конференция историков-марксистов. Работа в секциях // Правда. 1929. №. 3. С. 2.

Покровский М. Н. Всесоюзная конференция историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 3–11.

Против удушения украинской культуры польским фашизмом. Протест академиков УССР // Известия. 1930. № 8. С. 1.

Резолюція загальних зборів українського т-ва «історик-марксист» з 22.ІІ.1930 року // Комуніст. 1930. № 70(3064). С. 3.

Резолюція партколективу УІМЛ від 4 травня 1930 р. // Прапор марксизму. 1930. № 3. С. 154.

Резолюции, принятые на общем собрании Общества историков-марксистов от 19.ІІІ-30 г. // Историк-марксист. 1930. № 15. С. 167–168.

Резолюция, вынесенная коллегией Института истории Коммунистической академии по делу М. Яворского // Известия. 1930. № 61(3908). С. 4.

Рубач М. Всесоюзна конференція істориків-марксистів та деякі наші чергові завдання // Літопис революції. 1929а. № 2(35). С. І–Х.

Рубач М. Ревізія більшовицької схеми рухомих сил і характеру революції 1905–1917 р.р. (Права платформа на історичному фронті) // Більшовик України. 1929б. № 17–18. С. 20–41.

Скритник М. Помилки та виправлення академіка М. Яворського // Більшовик України. 1930. № 2. С. 12–26.

Скубицкий Т. М. Яворський. Історія України в стилістичному нарисі. Державне видавництво України, 1929, с. 345. М. Яворський. Історія України в сжатом очерке Гос. изд. Украины, 1929, с. 345 // Историк-марксист. 1929. № 12. С. 282–285.

Скубицкий Т. Классовая борьба в украинской исторической литературе // Историк-марксист. 1930. № 17. С. 27–40.

«Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сб. документов : в 10 т. Т. 10 (1932–1934 гг.) / отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. М. : ИРИ РАН, 2017. Ч. 2.

Сухино-Хоменко В. На марксистському історичному фронті // Більшовик України. 1929а. № 17–18. С. 42–55.

Сухино-Хоменко В. На марксистському історичному фронті (закінчення) // Більшовик України. 1929б. № 19. С. 40–56.

Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28/ХІІ-1928 — 4/І-1929 : в 2 т. М. : Изд-во Ком. акад., 1930.

Фувер В. Уривки з одної біографії // Комуніст. 1930. № 44(3038). С. 3.

Хвиля А. Про одну спробу ревізії ленінізму // Більшовик України. 1929. № 19. С. 9–39.

Шелюбский А. Матвей Яворский — авантюрист // Правда. 1930. № 59(4504). С. 4.

Эрде [Д. И.] История под прожектором марксизма // Вечерняя Москва. 1929. № 3. С. 2.

Яворський М. Дон-кихотство чи русотяпство? (З приводу однієї рецензії) // Прапор марксизму. 1929. № 2. С. 207–212.

Исследования

Дубровский А. М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М. : РОССПЭН, 2017.

Институт історії України НАН України. 1936–2006 / відп. ред. В. А. Смолій. Київ : Інститут історії України НАН України, 2006.

Касьянов Г. В. Академик М. И. Яворский: доля вченого // Украинский исторический журнал. 1990. № 8(353). С. 75–86.

Лысенков Н. А. «Моя болезнь, болезнь потерять доверие партии, почти неизлечима»: Предсмертное письмо В. Я. Фурера в ЦК и МК ВКП(б). 1936 г. // Исторический архив. 2015. № 6. С. 106–116.

Орлов И. Б. Историк сталинской эпохи на «фронте исторической науки» // Харьковский історіографічний збірник. Вип. 10. Харків : ХНУ імені Каразіна, 2012. С. 117–130.

Пиріг Р. Я. Життя Михайла Грушевського: Останнє десятиліття (1924–1934). Київ : Інститут української археографії АН України, 1993.

Пристайко В., Шаповал Ю. Михайло Грушевський і ГПУ-НКВД. Трагічне десятиліття: 1924–1934. Київ : Україна, 1996.

Пристайко В., Шаповал Ю. Михайло Грушевський: Справа «УНЦ» і останні роки (1931–1934). Київ : КРИТИКА, 1999.

Санцевич А. В. М. И. Яворский: нарис життя та творчості. Київ : [б. и.], 1995.

Терещенко Ю. І. Відзначення 70-річчя професора М. А. Рубача // Український історичний журнал. 1970. № 2 (107). С. 156–157.

Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. Екатеринбург : Листок, 2021.

Шаповал Ю. І. Україна 20–50-х років сторінки неаписаної історії. Київ : Наук. думка, 1993.

Шаповал Ю., Верба І. Михайло Грушевський. Київ : Альтернативи, 2005.

Юрганов А. Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М. : РГГУ, 2011.

Mace J. E. Communism and the Dilemmas of National Liberation: National Communism in Soviet Ukraine, 1918–1933. Cambridge, Mass. : Harvard Ukrainian Research Institute and Ukrainian Academy of Arts and Sciences, 1983.

References

Dubrovsky, A. M. (2017). *Vlast' i istoricheskaia mysl' v SSSR (1930–1950-e gg.)* [Power and Historical Thought in the USSR (1930s–1950s)]. Moscow: ROSSPEN.

Kas'yanov, G. V. (1990). Akademik M. I. Iavors'kii: dolia vchenogo [Academician M. I. Yavorsky: The Fate of a Scholar]. *Ukrains'kii istorichnii zhurnal*, 8(353), 75–86.

Lysenkov, N. A. (2015). “Moia bolezni', bolezni' poteriat' doverie partii, pochti neizlechima”: Predsmertnoe pis'mo V. Ya. Furera v TsK i MK VKP(b). 1936 g. [“My Illness, the Disease of Losing the Trust of the Party, is Almost Incurable”: V. Ya. Furer's Suicide Letter to the Central Committee and the MK of the CPSU(b). 1936]. *Istoricheskii arhiv*, 6, 106–116.

Mace, J. E. (1983). *Communism and the Dilemmas of National Liberation: National Communism in Soviet Ukraine, 1918–1933*. Cambridge: Harvard Ukrainian Research Institute and Ukrainian Academy of Arts and Sciences.

Orlov, I. B. (2012). Istorik stalinskoi epokhi na “fronte istoricheskoi nauki” [A Historian of the Stalin Era on the “Front of Historical Science”]. *Har'kovskii istoriografichnii zbirnik*, 10, 117–130.

Pirig, R. Ya. (1993). *Zhittia Mihaila Grushevs'kogo: Ostanne desiatiilittia (1924–1934)* [The Life of Mikhail Grushevsky: The Last Decade (1924–1934)]. Kiev: Institut ukrains'koi arkhеografii AN Ukraini.

Pristaiko, V., & Shapoval, Yu. (1996). *Mikhailo Grushevs'kii i GPU-NKVD. Tragichne desiatiilittia: 1924–1934* [Mikhail Grushevsky and GPU-NKVD Tragic Decade: 1924–1934]. Kiev: Ukraina.

Pristaiko, V., & Shapoval, Yu. (1999). *Mikhailo Grushevs'kii: Sprava "UNC" i ostanni roki (1931–1934)* [Mikhail Hrushevsky: The UNC Case and the Last Years (1931–1934)]. Kiev: Kritika.

Sancevich, A. V. (1995). *M. I. Iavors'kii: naris zhittia ta tvorchosti* [M. I. Yavorsky: An Essay on Life and Creative Work]. Kiev: [s. n.].

Shapoval, Yu. I. (1993). *Ukraina 20–50-h rokiv storinki neapisanoi istorii* [Ukraine 1920–1950s Pages of Untapped History]. Kiev: Naukova dumka.

Shapoval, Yu., & Verba, I. (2005). *Mikhailo Grushevs'kii* [Mikhail Hrushevsky]. Kiev: Al'ternativi.

Smolii, V. A. (Ed.). (2006). *Institut istorii Ukraini NAN Ukraini. 1936–2006* [Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine. 1936–2006]. Kiev: Institut istorii Ukrayni NAN Ukrayni.

Tereshhenko, Yu. I. (1970). Vidznachennia 70-richchia profesora M. A. Rubacha [Celebration of the 70th Birthday of Professor M. A. Rubach]. *Ukraïns'kii istorichnii zhurnal*, 2(107), 156–157.

Tinchenko, Ya. Yu. (2021). *Golgofa russkogo ofitserstva v SSSR. 1930–1931 gody* [Golgotha of Russian Officers in the USSR. 1930–1931]. Ekaterinburg: Listok.

Yurganov, A. L. (2011). *Russkoe natsional'noe gosudarstvo: zhiznennyi mir istorikov epokhi stalinizma* [The Russian National State: The Life World of Historians of the Stalin Era]. Moscow: RGGU.

Лазарев Яков Анатольевич

кандидат исторических наук,

¹ассоциированный исследователь

Институт российской истории РАН

117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

²старший научный сотрудник

Лаборатории эдиционной археологии

Уральский федеральный университет

620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

E-mail: 9lazarev@gmail.com

Lazarev, Yakov Anatolyevich

PhD (History)

¹Associate Researcher

Institute of Russian History of the RAS

19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow,

Russia

²Senior Researcher

Laboratory of Primary Sources

Ural Federal University

51 Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia

Email: 9lazarev@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-6141-2215>

Scopus AuthorID: 57202859433

WoS ResearcherID: B-1988-2016